

ИСКУССТВО

УДК 7.033.2(471)+72.033 ББК 85.113(2) DOI 10.25986/IRI.2021.84.2.015

Д. Д. Ёлишин

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

denis.jolshin@gmail.com

А. А. Фрезе

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

anna.freze@gmail.com

«ДВОРЦЫ» ДРЕВНЕГО КИЕВА И ВИЗАНТИЙСКИЕ РЕЗИДЕНЦИИ IX–XV вв.

Гражданские постройки на Старокиевской горе прочно вошли в историографию как сооружения дворцового характера. Приписанная им функция резиденций великих князей – интерпретация, основанная лишь на наборе использованных в строительстве и декорации материалов и местоположения зданий. Однако многолетние архитектурно-археологические работы по их изучению выявили ряд конструктивных и композиционных черт, характерных для византийских резиденций: компактный прямоугольный блок постройки, многоярусность, наличие открытых аркад, приложенных к фасадам. Эти особенности архитектурного решения киевских дворцов позволяют рассматривать их как составляющую часть византийской традиции дворцового строительства. Определение места и значения киевских памятников в истории византийского зодчества актуально не только для получения более полной картины появления и бытования гражданской архитектуры в домонгольской Руси, но и для определения путей ее трансформации в более поздних постройках на княжеских, монастырских и архиерейских дворах, таких как Владычный двор в Новгороде Великом.

Ключевые слова: древнерусская архитектура, византийская архитектура, Древний Киев, дворцовая архитектура, гражданская архитектура

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 18-18-00045 «Каменная гражданская архитектура Новгорода XIV–XV вв.: комплексное изучение».

Гражданская архитектура домонгольской Руси все еще является областью исследований, к которой редко обращаются историки древнерусского зодчества. Публикуются отдельные статьи, освещающие результаты раскопок того или иного памятника светского строительства, рассматриваются отдельные концепции и феномены¹. Но со времени выхода свода археологических источников по древнерусскому жилищу в 1975 г. [Раппопорт, 1975] не было создано ни одного обобщающего труда, в котором была бы представлена история гражданского зодчества домонгольской Руси на основе современных археологических материалов. Тем не менее за четыре с половиной десятилетия, прошедших с момента публикации свода П. А. Раппопорта, выявлены несколько ранее неизвестных гражданских построек и уточнены

¹ См. последние исследования [Попов; Гайденко; Ёлишин, 2019; Фрезе].

данные о давно известных. В последние годы ведутся обширные археологические работы на территории Владычного двора в Новгороде – комплексе, функционировавшем в качестве резиденции новгородских архиепископов начиная с XI столетия [Антипов; Antipov]. Отсутствие обобщающего исследования во многом обусловлено нерешенными проблемами функциональной интерпретации построек, их типологическим разнообразием и скудными данными об их градостроительном контексте внутри княжеских, архиерейских и монастырских дворов [Jolshin]. К тому же до сих пор опускался вопрос о происхождении первых каменных гражданских построек Древней Руси, их связи с зодчеством Византийской империи и стран Западной Европы – исследователи лишь приводили точечные примеры, близкие по типологии к рассматриваемым памятникам.

Цель данной статьи – постановка гражданских построек («дворцов») на Старокиевской горе в Киеве в контекст светской архитектуры средне- и поздневизантийского периода. Чтобы решить эту проблему, необходимо провести новое обобщение сведений, определить ключевые конструктивные и композиционные особенности киевских построек и сопоставить их с характеристиками памятников византийского дворцового зодчества. Для сравнительного анализа используются и материалы по дворцовым комплексам Плиска и Преслава – двух первых столиц Первого Болгарского царства. Актуальность такого сопоставления обусловлена схожими культурно-историческими обстоятельствами – принятием христианства, связанной с этим интенсификацией культурного взаимодействия с Византийской империей и резким увеличением масштабов каменного строительства.

Сооружения, окружающие Десятинную церковь в Киеве, – наиболее известный и изученный комплекс древнерусских гражданских построек. Открытые раскопками В. В. Хвойко, Д. В. Милеева и С. П. Вельмина в 1907–1914 гг. [Хвойка, с. 67–69; Отчеты, 1914, с. 48–62; Отчеты, 1918, с. 168] остатки этих построек, сохранившихся частично, в виде фундаментов и фундаментных рвов, надолго оказались основным археологическим источником о древнерусской каменной гражданской архитектуре домонгольского периода [Ржига, с. 18–19; Воронин, с. 221–222]. М. К. Каргер, впервые обобщивший сведения об этом комплексе построек, аргументировал их раннюю датировку и указал на их византийское происхождение [Каргер, 1955; Каргер, 1961, с. 59–77, 91–93]. На родство архитектурно-типологических особенностей и планировки комплекса с византийскими сооружениями указывали и позже [Холостенко, с. 80–84; Mezentsev; Пуцко, с. 238], но выбор аналогий был относительно случайным по причине отсутствия соответствующих обобщающих трудов. Кроме того, поднимались и вопросы датировки построек и синхронности комплекса [Schäfer, S. 204–210; Комеч, с. 174–175; Ёлшин, 2010]. В последние десятилетия были накоплены новые данные о гражданских постройках на Старокиевской горе: обнаружены ранее неизвестные полевые материалы раскопок начала XX в. и проведены новые археологические исследования. Анализ этих данных позволяет внести существенные уточнения в характеристику построек, реконструкцию их облика и относительную хронологию². Приведем здесь наиболее важные уточнения.

Северо-восточная постройка («Восточный дворец»)³. Практически все исследователи отмечали сложность или невозможность реконструкции плана этой постройки

² Благодарим наших киевских коллег В. К. Козюбу, В. И. Баранова, В. В. Павлову, А. А. Козловского, М. М. Иевлева, В. А. Крыжановского, а также безвременно ушедшего Г. Ю. Ивакина за всемерную помощь в исследованиях, возможность участия в археологических работах и ознакомления с материалами исследований из первых рук.

³ Во избежание путаницы мы пользуемся наименованиями построек относительно их расположения к Десятинной церкви, использованными в Каталоге памятников П. А. Раппопорта [Раппопорт, 1982, с. 9–10]. В скобках приводятся альтернативные названия, используемые рядом исследователей. Мы совсем не рассматриваем постройку, известную как «дворец (ротонда) княгини Ольги», по причине крайнего недоверия к интерпретации материалов археологического исследования памятника [Ёлшин, 2010, с. 157–161].

по причине некорректных материалов фиксации раскопок В. В. Хвойко: на планах разных исследователей различаются размеры постройки, количество и габариты ячеек (ср.: [Толочко, с. 28; Килиевич, с. 138, рис. 94; Раппопорт, 1982, с. 132; Михайлов, Ёлшин, с. 229]). Недавние архивные исследования позволили выявить ранее неизвестные материалы раскопок В. В. Хвойко 1907 г. и Ф. Н. Молчановского 1936 г., полностью меняющие представление об этом памятнике. В. К. Козюба, скрупулезно разобравший эти материалы, пришел к справедливому заключению о том, что хрестоматийно известные рисунки-реконструкции постройки, исполненные В. В. Хвойковнескольких вариантах, не только противоречивы, но и совершенно не соответствуют тем остаткам, которые впоследствии были изучены работами Ф. Н. Молчановского 1936 г., М. К. Каргера 1939 г. и П. П. Толочко 1966 г. [Козюба, 2010, с. 69–70; Козюба, 2018]. Сведения о трехкамерном «дворце» [Воронин, с. 222; Корзухина, с. 341; Раппопорт, 1982, с. 9] при отсутствии внятной графической и фотофиксации работ оказываются под очень большим сомнением вплоть до постановки вопроса о фальсификации памятника В. В. Хвойко (преднамеренной или нет) (Рис. 1, 2). На нескольких фотографиях траншей В. В. Хвойко видны лишь крайне плохо выявленные развалы красного кварцита, без раствора, мощностью в один слой⁴. Напротив, остатки кладки, выявленной почти в том же месте на самом краю склона Ф. Н. Молчановским в 1936 г., верифицируются довольно хорошо⁵ (Рис. 1, 3). Ее сохранившаяся длина составляла 5,6 м, ширина – 1,7 м, мощность фундамента из песчаника на растворе – 0,4 м, высота сохранившейся стеновой кладки – до 0,5 м. Фотографии не оставляют сомнения в том, что в стеновой кладке использована техника кладки с утопленным рядом, а также плинфа определенного типа – та, которая была применена как в основном объеме, так и в галереях Десятинной церкви [Ёлшин, 2017, с. 101–102]. Использование в фундаменте ожезненного песчаника, а не кварцита соответствует материалу, примененному в основании фундаментов только центрального объема церкви и юго-восточной постройки [Ёлшин, Никитенко, с. 141]. На фотографиях и чертеже северного фасада отчетливо видны границы (откосы) проема или проемов, расстояние между которыми составляет 3 м. Восточная торцевая часть кладки представляла собой прямоугольный пилон 1,7 × 1,3 м. Возможно, проем между откосами был закрыт аркадой, не исключено, что между ними располагался и еще один, утраченный пилон. К югу от кладки в уровне верха ее фундамента зафиксированы участки растворной заливки (пола?) постройки. Отсутствие поворотов и примыкающих кладок не позволяет сделать заключение о плане постройки; сохранившаяся кладка могла носить характер субструкции (искусственной террасы?) или части лестничного восхода, уместного на самом склоне холма.

Юго-восточная постройка («Южный дворец») (Рис. 1, 4). В 2005 и 2016 гг. была повторно изучена часть остатков фундаментных кладок большой гражданской постройки, открытой и тщательно исследованной Д. В. Милеевым в 1910–1911 гг. и доисследованной С. П. Вельминым в 1914 г. Эти новые исследования позволили окончательно установить полную тождественность технологии фундаментов постройки и фундаментов центрального объема Десятинной церкви (а именно использование системы деревянных субструкций с лежнями и кольями, ожезненного песчаника в основании фундаментов и блоков красного кварцита в кладке фундамента, а также характерной плинфы [Івакін та ін., с. 62]). Было подтверждено наличие единственного внешнего выступа фундамента («лопатки»?) на северо-западном углу постройки [Іоаннісян и др., с. 363], возможно, связанного с какими-то переходами в сторону

⁴ Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 115. Оп. 2. Д. 849. При исследованиях 1936 г. было специально отмечено, что обнаружены лишь развалы красного кварцита, а конструкций *in situ* из этого материала не выявлено (Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины. Ф. 20. 1936. № 38. Л. 19).

⁵ Не найдены пока существовавшие полевой дневник и отчет о раскопках, но сохранились множество фотографий и чертеж северного фасада кладки (Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины. Ф. 20. 1936. № 37а), а также заключение экспертной комиссии с описанием конструкции, основные положения которого были подтверждены раскопками М. К. Каргера и П. П. Толочко [Козюба, 2018, с. 38–39].

церкви. В. К. Козюба предположил, что после устройства фундаментов постройка так и не была завершена [Козюба, 2019, с. 43–45], однако, на наш взгляд, архивные фотографии и чертежи Д. В. Милеева, да и авторское описание, свидетельствуют об обратном⁶. Щебневое заполнение фундаментных рвов этой постройки перекрыто слоем сырца, который, вероятнее всего, является остатками стены, снесенной в XI в. [Баранов, Ёлшин, с. 253]. Не подвергавшиеся сомнению симметричность и трехкамерность постройки в действительности совсем не очевидны: в 1914 г. был открыт лишь юго-восточный угол [Отчеты, 1918, с. 168], а вся западная стена южного квадратного помещения постройки скрыта под стоящим зданием на Владимирской улице, 4, и нам остается неизвестной точная конфигурация юго-западного угла⁷.

Юго-западная постройка («Западный дворец») (Рис. 1, 5). В истории изучения этого здания показательны изменения, вносившиеся в реконструкции плана постройки по мере постепенного открытия ее неизвестных частей. Автором первых раскопок постройки С. П. Вельминым была выдвинута идея о том, что постройка состояла из центральной квадратной ячейки, расположенной приблизительно на центральной продольной оси Десятинной церкви, и двух симметрично фланкирующих ячейку прямоугольных помещений. Графически оформленные в таком виде реконструкции Н. В. Холостенко и Ю. С. Асеева [Холостенко, 1965, с. 81; Асеев, с. 27] оказались полностью дезавуированы новыми раскопками. Работы В. А. Харламова 1982, 1987–1988 гг. [Харламов, 1995] и А. А. Козловского и М. М. Иевлева 2008–2009 и 2012–2013 гг. [Козловский, Иевлев, Крижановский, 2016] открыли асимметричную структуру здания с узкими восточной и западной галереями размерами около 54 × 24 м⁸. Часть постройки (квадратная южная ячейка основного объема и западная галерея), как выяснилось, никогда не была достроена⁹. Из-за плохой сохранности культурного слоя и фрагментарности следов самих фундаментов не представляется возможным определить, имело место незавершенное строительство, частичный отказ от первоначального проекта или изменение проекта в ходе строительства¹⁰. Отличительной особенностью этой постройки от первых двух являются выступающие лопатки, для которых были устроены мощные выступы фундамента с выносом не менее 0,5 м¹¹. Основания под лопатки хотя и не выявлены на первых двух описанных гражданских постройках, но зафиксированы на фундаментах как галерей, так и центрального объема Десятинной церкви, следовательно, этот признак не может служить основанием для более поздней датировки юго-западной постройки. Однако в связи со слабой

⁶ На них хорошо видны мощное заполнение выбранных фундаментных рвов постройки щебнем строительного раствора, а также участки растворной стяжки (вероятно, остатки подготовки под пол постройки) [Отчеты, 1914, с. 52–53]; по сведениям С. П. Вельмина, в них было встречено большое количество фрагментов фресок и мозаик [Отчет о деятельности, с. 5].

⁷ [Павлова, с. 85]; Национальный художественный музей Украины. Ф. 2. Д. 25.

⁸ Во избежание путаницы в описании юго-западной постройки, ориентированной, как и Десятинная церковь, под углом почти 45 градусов к сторонам света, мы именуем ее северо-восточные элементы восточными, юго-восточные южными и т. д.

⁹ В отличие от фундаментных рвов северо-западной части постройки, где частично сохранилось тело фундамента, представляющее собой заливку прочным известково-цемяночным раствором с мелким щебнем на глубину не менее 0,6 м, во рвах западной галереи и части торцевой южной стены основного объема не выявлено никаких следов разборки фундаментов: истлевшие субструкции были непосредственно перекрыты плотным гумусированным суглинком без каких-либо строительных остатков. Это может свидетельствовать только о том, что в откопанных рвах никогда не было каменных кладок [Козловский, Иевлев, с. 416–419; Козловский, Иевлев, Крижановский, 2014].

¹⁰ Увы, даже остатки этих рвов были варварски уничтожены при строительстве нового офисного здания по Десятинному переулку, 3–5, в январе 2014 г.

¹¹ Сохранность фундаментных рвов и следов субструкций не дала возможности проследить наличие как фундаментных лент, так и интерьерных лопаток в длинной ячейке центрального объема. К сожалению, единственная пока итоговая реконструкция плана постройки [Козловский, Иевлев, Крижановский, 2015, с. 70] была сведена авторами последних раскопок с целым рядом неточностей. В частности, оказались неверно нанесены выступы лопаток, из-за чего «потерялись» несколько компартиментов (ср.: [Гнера, с. 76–77; Козловский, Иевлев, Крижановский, 2014; Иевлев, Козловский, Крижановский, с. 72]).

сохранностью фундаментных кладок нет и возможности аргументировать более узкую датировку, чем период конца X – первой половины XI в. (структура деревянных субструкций фундаментов характерна для этого периода, а техника самого фундамента без применения кладки из крупных камней не находит прямых аналогий). Одним из открытий авторов последних раскопок стал вывод о том, что каменное здание юго-западной постройки было разобрано не позднее конца XI – начала XII в., когда на его месте появилась усадьба из нескольких богатых жилых каркасно-столбовых построек [Евлев, Козловский, Крижановский].

Таким образом, к настоящему моменту только юго-восточная постройка может быть (лишь предположительно) охарактеризована как трехчастная и симметричная в плане, юго-западная постройка в воплощенном варианте представляла собой асимметричное трехчастное здание с галереей по всей длине восточного фасада, а северо-восточная постройка вообще не может рассматриваться при сравнении планов. В то же время общие габариты юго-восточной постройки и воплощенного основного объема юго-западной постройки вполне сопоставимы: их размеры около 45 × 11,5 м, длина стены в интерьере квадратных объемов должна была составлять не менее 8–8,5 (в юго-восточной) и 9,5 (в юго-западной) м¹². Мощность фундаментов юго-восточной постройки (ширина – 1,7 м, глубина – 1,9–2 м от древней поверхности) превышает аналогичные характеристики фундаментов основного объема и галерей Десятинной церкви, которые достигали 15–18 м в высоту [Зыков, с. 152]. Параметры фундаментов юго-западной постройки несколько меньше (ширина – 1,4 м, северная поперечная стена – 1,7 м, глубина – 1,7 м от древней поверхности), но мощные лопатки должны были компенсировать эту разницу. Это дает основания полагать, что указанные светские постройки имели не менее двух каменных этажей.

Важнейшей характеристикой киевских каменных гражданских построек является их обособленность в расположении в комплексе: юго-восточная постройка находилась на расстоянии более 10 м от основного объема церкви, северо-восточная – на расстоянии более 20 м, юго-западная – на расстоянии около 60 м от церкви и от юго-восточной постройки. Тем не менее каменные постройки, скорее всего, существовали в комплексе с сырцовыми конструкциями (Рис. 1, б), а также с деревянными строениями (в том числе могли иметь верхние деревянные ярусы или переходы). Об этом говорят и находки в непосредственной близости от юго-западной постройки скопления фрагментов орнаментальных фресок с отпечатками круглых бревен на тыльной стороне [Харламов, 1985, с. 112–116]. Прочие происходящие из перемешанного культурного слоя фрагменты фресок, кирпичные и каменные архитектурные детали практически невозможно соотнести с той или иной гражданской постройкой комплекса, а также размежевать их с материалами строительного развала огромного и многофазного сооружения Десятинной церкви [Ёлшин, 2010, с. 154–155, 160–161].

Строительная техника и материалы фундаментов юго-восточной постройки полностью тождественны центральному объему Десятинной церкви, материалы северо-восточной постройки также позволяют отнести ее к самому начальному периоду монументального строительства. На это же указывает и согласованность первых двух построек в плановой структуре всего комплекса. По всей видимости, уже в первой половине XI в. комплекс монументальных построек претерпел существенные изменения: были разобраны юго-

¹² Отдельно следует упомянуть и о гражданской постройке на Ирининской улице, частично открытой раскопками С. П. Вельмина в 1913 г. [Каргер, 1961, с. 76–77]. Сама топография памятника, располагавшегося южнее Софийского собора, как известно, заложенного «на поле вне града», и церкви на Владимирской улице не позволяет отнести постройку ко времени ранее княжения Ярослава Мудрого. Хотя исследована была лишь небольшая часть фундаментных рвов северного торца постройки, ее основная плановая структура определима (прямоугольное здание шириной 11 м, разделенное на ячейки, артикулированные лопатками на фасадах) и типологически близка постройкам около Десятинной церкви.

восточная постройка и сырцовая стена [Баранов, Ёлшин, с. 253–255]. Данных пока недостаточно, чтобы убедительно датировать это событие, а также синхронизировать его с достройкой галерей Десятинной церкви или строительством юго-западной постройки, но сама пространственная организация комплекса подсказывает, что эти перепланировки были взаимосвязаны.

Беспрецедентные для этого времени монументальность и масштаб гражданских построек, их многоэтажность и ансамблевое соотношение с церковью несомненно свидетельствуют об их дворцовом назначении. Хотя мы и не располагаем прямыми археологическими данными (культурным слоем *in situ* с элитарными предметами), сложно представить чисто хозяйственную функцию этих построек, впрочем, ставшее традиционным соотношение их с летописными «гридницами» – не более чем историографический казус [Ёлшин, 2019, с. 398–401]. Одновременное возведение гражданских построек и первой киевской каменной церкви Богородицы, тождественность их строительных приемов указывают, безусловно, на авторство византийских строителей. Кроме источника архитектурных форм, это говорит в пользу того, что постройки должны были стать главными церемониальными строениями двора киевского князя, хотя топография его в целом пока далека от ясности.

Как и древнерусское светское строительство, византийская гражданская архитектура в период после эпохи иконоборчества находится в тени церковного зодчества. В историографии этой области все еще остаются нереализованными многие ключевые исследовательские задачи. Особенно это касается средневизантийского периода, от которого сохранилось меньшее количество памятников, чем от ранне- и поздневизантийских столетий. Однако в последнее время вышел ряд публикаций, позволяющих по-новому подойти к исследованиям дворцовой архитектуры Византии в IX–XII вв., более точно и полно определить ее место в истории гражданского зодчества [Kourelis; Ćurčić; Niewöhner; Macrides]. Была выдвинута гипотеза о большей автономности, чем это считалось прежде, византийской архитектурной традиции дворцового строительства. В этой парадигме основная особенность дворцового здания в средневизантийский период – блочный характер его архитектурной формы – оказалась не привнесенным извне элементом, а изначально присущей строительной концепцией.

Так, ранее пытаясь объяснить типологию Текфур Сарая (Малого Влахернского дворца), дворца в Нимфейоне и зданий во Дворце деспотов в Мистре, историки архитектуры обращались к архитектуре итальянских средневековых палаццо [Krautheimer, p. 449–450; Sinos]; анализируя резиденции каппадокийских представителей знати – к архитектуре арабского Востока [Mathews, Daskalakis-Mathews], а отдельного явления – дворцового зала, расположенного на крепостных стенах, – к зодчеству сельджуков [Asutay-Effenberger]. Были попытки проследить параллели и с архитектурой древней Армении [Շաղաթաւ]. Но уже К. Курелис высказывался о возможности поиска моделей для поздневизантийских дворцов не за границами Византийской империи, а в пределах ее территорий – среди сохранившихся сельских усадеб провинциальной византийской знати [Kourelis, p. 120–121]. Эту типологическую линию – от позднеантичных усадеб до дворцов поздневизантийской эпохи – смог выстроить Ф. Нивонер, проследив историю «блочного типа» (*block-like*) дворца на материале самих византийских памятников. Компактным дворцовым корпусам Мирелейона, Текфур Сарая, Нимфейона, по мнению исследователя, могли предшествовать позднеантичные постройки в Кирсе Яни (Кария), Андриаке (Ликия) и Синек-кале (Киликия), также представлявшие собой компактные архитектурные объемы, не следовавшие традиционному перистильному типу [Niewöhner].

От средневизантийского времени наибольшее количество материалов о дворцовом строительстве получено в ходе исследований руин дворцовых комплексов Константинополя:

во Влахернах, Манганах и Мирелейоне, а также в цитадели Херсона. В поздневизантийское время были возведены достаточно хорошо сохранившийся дворцовый комплекс в Мистре, дворец в Нимфейоне, Текфур Сарай, а также дворцовый комплекс Мангупа. Хорошо изучены резиденции правителей и патриархов в двух первых столицах Первого Болгарского царства. Дворцовые здания, входящие в эти ансамбли, обладают общими типологическими чертами, к которым, кроме уже обозначенной выше концепции постройки как компактного прямоугольного блока, относятся устройство аркад, украшавших фасады здания, и многоярусность его объема (Рис. 2).

Дворец как автономная объемно-пространственная единица. Блочный тип дворца, в противовес резиденции перистильного типа, где ряд построек своими внешними стенами образует периметр внутреннего двора комплекса, представляет собой законченную архитектурную форму, которая читается как компактный прямоугольный массив. Если в перистильной резиденции композиционный акцент ставился на оформлении пространства двора и затем интерьерных решений наиболее функционально значимых помещений, то в блочном типе на первый план выходит построение массы отдельного здания, внимание зодчих все больше занимает экстерьер и его объемное построение. Внутри этого блока главную роль играет большой зал, как предполагается, выполнявший основные церемониальные функции.

Именно таким реконструируется здание дворца в Мирелейоне, возведенное в начале X в. на остатках массивной ротонды, входившей в ранневизантийский дворцовый комплекс (Рис. 2, 3). Руины ротонды стали субструкциями для средневизантийского здания, а также использовались в качестве цистерны для всего комплекса. Главный предположительно двухъярусный зал дворца (около 22 × 8 м) предварялся лоджией, встроенной между двумя квадратными ячейками [Naumann, S. 211–216; Striker, p. 15–16]. Фундаменты и субструкции дворца в Манганах середины XI в. также формируют представление о новой резиденции Константина IX как о едином массивном (около 40 × 60 м) корпусе, составленном из нескольких серий ячеек [Demangel, Mamboury; Ćurčić, p. 354–355] (Рис. 2, 4).

Текфур Сарай, последняя перестройка которого датируется второй половиной XIII – началом XIV в. (Рис. 2, 9), обладает наилучшей сохранностью и наименьшей площадью из известных дворцовых зданий Константинополя (около 10 × 15 м, ровно в четыре раза меньше дворца в Манганах). Постройка входила во Влахернский комплекс. Его многоярусный компактный блок был встроен в пространство между двумя крепостными стенами, окружавшими столицу Византии, и соединен с башней бывших феодосиевых укреплений, специально переделанной под нужды дворца. При этом не исключено, что какое-то дворцовое сооружение существовало на этом месте уже в средневизантийское время. На западной крепостной стене находилась еще одна прямоугольная зальная постройка, входящая в резиденцию [Ahunbay; Müller-Wiener, S. 244–247].

Дворец, выстроенный в первой трети XIII в. в резиденции никейских императоров в Нимфейоне, также представляет собой прямоугольный многоярусный блок размерами 25,75 × 11,75 м (Рис. 2, 5). Его стены сохранились на высоту до 3 ярусов [Buchwald, S. 263–268].

Блочную структуру демонстрирует и комплекс фемного претория в Херсоне конца IX в. (Рис. 2, 6): два симметричных здания, каждое из которых состояло из нескольких помещений-ячеек, расположены с северной и южной сторон двора, образуя его внешние стены [Антонова, с. 14–18]. Общие размеры комплекса – 23,5 × 5,7 м. Более ранний «дом командира» середины IX в. (18 × 6,5 м), снесенный для строительства нового административного корпуса в цитадели Херсона, реконструируется как двухъярусное здание с каменной лестницей, первый этаж которого состоял из трех помещений [Сорочан, 2013, с. 329, 406–407].

Все дворцовые и жилые корпуса резиденций Плисски и Преслава, датируемые в пределах IX – конца X в., – достаточно массивные, но компактные в своем объеме здания. Существующие переходы, связывающие группы построек друг с другом, не мешают их восприятию как автономных архитектурных форм. Наконец, относительно хорошо сохранившее здание E во Дворце деспотов Мистры (37 × 16,5 м) демонстрирует не только композиционную, но и функциональную автономность (Рис. 2, 11): на его первом, полуцокольном, этаже находились хозяйственные помещения, на втором ярусе размещались жилые покои, а весь третий этаж занимал двухсветный тронный зал, как считается, выстроенный по заказу императора Мануила II Палеолога [Sinos, S. 117–125; Σίνοϋ, σ. 337–373].

Аркады. Оформление зданий открытыми галереями со сводчатыми или скатными перекрытиями, лоджиями, небольшими притворами на колоннах – одно из устойчивых решений византийской дворцовой архитектуры и константинопольской традиции церковного зодчества. Так, не исключено, что главный корпус дворца в Манганах имел открытые сводчатые галереи по своим продольным фасадам [Ћurčić, p. 354–355; Demangel, Mamboury]. По данным архитектурно-археологических исследований Р. Науманна, дворец Мирелейона имел лоджию (15,1 × 5,9 м), чьи арки поддерживали пять колонн [Naumann, S. 212–213]. Лоджия в Текфур Сарае занимала пространство всего первого этажа (примерно 10 × 15 м) и открывалась на площадь двумя двойными арками, внутри ее своды поддерживали шесть колонн [Ahunbay]. В комплексе патриаршего двора в Преславе, перенявшем, как считается, ряд черт планировки патриаршей резиденции у собора Св. Софии и Большого дворца в Константинополе, активно используются аркады и арочные переходы. Открытая галерея реконструируется у южного фасада патриаршего дворца в Преславе, его главный вход, расположенный на северной стороне, был оформлен тройной аркой (Рис. 2, 7). Кроме того, преславский дворец патриарха был связан с кафедральным собором переходом, видимо, двухъярусным, нижний ярус которого был решен как открытая арочная галерея [Овчаров, Аладжев, Овчаров]. Предположение об ориентации зодчих в Преславе на константинопольский образец подкрепляется последними исследованиями, выявившими следы арочной галереи у восточного фасада патриаршего комплекса у юго-западного угла собора Св. Софии в Константинополе [Dark, Kostenec, p. 46–54]. О существовании же двухъярусной стойки – перехода из Большого дворца в Софийский собор – уже давно известно по письменным источникам [Беляев, с. 133–140; Mango, p. 87–92]. Аркады украшали главный юго-восточный фасад здания E и северный фасад здания Δ во Дворце деспотов в Мистре [Σίνοϋ, σ. 337–373] (Рис. 2, 11), в Мангупе шестиколонный двойной портик предварял блок, в котором предположительно размещался тронный зал князей Феодоро [Герцен и др.] (Рис. 2, 10).

Реконструкция высотности дворцовых зданий. Во дворце никейских императоров в Нимфейоне, по-видимому, было устроено четыре этажа, последний ярус имел деревянные перекрытия, остальные – сводчатые. Все верхние ярусы были разделены на три приблизительно равные по площади части. Согласно наблюдениям Х. Бухвальда, боковые ячейки были перекрыты большими коробовыми сводами, которые пересекали малые, более низкие своды, опиравшиеся на пилястры. Лестница была размещена в крайнем северном отсеке, причем ширина лестничной секции всего около 1 м [Buchwald, S. 263–268].

Многоярусным был и другой дворец, возведенный в XIII столетии, – константинопольский Текфур Сарай. Его первым этажом была открытая лоджия, второй этаж был разделен на три помещения, главный зал занимал весь третий этаж постройки. В нем, однако, не было найдено следов внутренних лестниц: доступ на второй этаж осуществлялся через систему переходов внутри крепостных стен Константинополя; как был устроен проход на верхний этаж, до сих пор неизвестно [Ahunbay].

В патриаршем дворце Преслава исследователи реконструируют четыре лестницы, размещавшиеся в угловых компартаментах здания: северо-западная и юго-западные ячейки сохранили столбы, служившие для устройства винтовых лестниц (Рис. 2, 7).

В Мистре монументальная лестница, устроенная параллельно фасаду здания E, вела на крышу двухъярусной аркады, с которой осуществлялся доступ в тронный зал. Подъем на верхние этажи в других корпусах, входящих в резиденцию деспотов Морей, осуществлялся с помощью как внутренних лестниц, так и лестничных башен [Σινος, σ. 337–373; Sinos] (Рис. 2, 11).

Глубина и толщина фундаментов, а также стен могли сильно варьироваться, и высота самого здания не находилась в прямой зависимости от этих показателей. Мощность фундаментов и особенности их конструкции зависели от грунта, который менялся от местности к местности. Так, например, жилые постройки в Гераки (XIII–XV вв., Пелопоннес) имели два этажа при толщине стен всего около 0,6 м [Sigalos, p. 74, 202–208]. Напротив, преславские постройки имеют очень мощные фундаменты и массивные стены. Глубина фундаментов патриаршего дворца – 1,5 м, их ширина колеблется от 2,2 до 3 м для внешних стен и от 1,4 до 1,6 м для внутренних; обрез фундамента – 0,1 м [Овчаров, Аладжев, Овчаров, с. 32–42]. Кроме того, в Константинополе многие сооружения возводились на монументальных субструкциях – порой очень высоких цокольных кирпичных этажах, перекрытых мощными сводами. Именно так были возведены дворцы Мирелейона и Манган.

Планиграфия дворцовых комплексов. В отличие от традиционного представления о византийском дворце – распластанном на обширной территории комплексе залов, кубиков, дворов, терм и храмов, либо непосредственно примыкавших друг к другу, либо связанных через систему площадей и переходов [Palatia; Verzone], резиденция нового типа может состоять из одного или нескольких компактных в своем плане строений – автономных блоков, расположенных практически в произвольном порядке на ограниченной площади.

К сожалению, в известных средневизантийских комплексах и части поздневизантийских комплексов не были открыты следы сооружений, которые использовались бы для служб, обеспечивающих функционирование дворцовой резиденции. Здание дворца в Нимфейоне на фотографиях начала XX столетия создает впечатление одинокой постройки, стоящей посреди поля. Текфур Сарай, встроенный в пространство между крепостными стенами, как уже отмечалось, был соединен переходами с башней и еще одной зальной постройкой на западной стене, перед ним, по-видимому, существовал небольшой двор. Тем не менее можно утверждать, что неотъемлемым элементом любого дворца должна была являться постройка церковного характера: храм или часовня. Резиденция Константина IX Мономаха в Манганах была окружена храмовыми комплексами, возможно, принадлежавшими крупным столичным монастырям, в числе которых – церковь Св. Георгия. В комплекс Мирелейона входил и храм, поднятый до уровня дворца на специально выстроенных для этого субструкциях. Ансамбль фемного претория в Херсоне включал здание небольшой, но богато украшенной базилики, выстроенной сразу после окончания возведения гражданской постройки.

О существовании переддворцом двора, на котором возводилась церковь, свидетельствуют и письменные источники, сохранившие описания дворцовой архитектуры Византии. Так, в византийской поэме «Дигенис Акрит», созданной в период с X по XII в., содержится описание дворца, который был построен главным героем на берегу Евфрата. Чтение данного отрывка варьируется у разных переводчиков, но некоторые черты «воображаемого дворца» все-таки можно отметить. Прежде всего, упоминается большой размер резиденции и очертания

плана в форме квадрата. Он был построен из обработанного камня, имел колонны¹³. По обе стороны от дворца были выстроены вытянутые триклинии, а во дворе резиденции – храм, посвященный св. Феодору¹⁴. Кроме того, недавняя гипотеза Р. Макридес, в том числе использующая свидетельства письменных источников, предполагает, что основная резиденция в императорском комплексе во Влахернах, который достраивался и перестраивался в XI–XIII вв., могла представлять собой группу высоких зданий, размещенных по сторонам внутреннего двора, на котором была возведена церковь Богородицы Никопеи. В одном из этих зданий находился и тронный зал Алексея I Комнина, расположенный, по мнению исследовательницы, на одном из верхних ярусов дворца [Macrides; Müller-Wiener, S. 223–224].

Резиденции царей и патриархов Первого Болгарского царства сохранились гораздо полнее, чем византийские комплексы. В цитадели Плиски были открыты два парных здания, которые могли использоваться для официальных мероприятий, небольшая дворцовая церковь, «дворец патриарха», бани и ряд зданий, скорее всего, со вспомогательными функциями [Ваклинов, с. 106–111, 173–174; Ćurčić, p. 280–285]. В Преславе царская и патриаршая резиденции были спроектированы как системы дворов-площадей с внутренними стенами – своеобразные кварталы, на которых размещались постройки. На севере находился самый большой «квартал» – царская резиденция, в которую входили как минимум три здания с церемониальными функциями¹⁵, постройки с жилыми покоями царя (Рис. 2, 8), а также Большая базилика, чьи размеры превышали размеры кафедральной церкви, находящейся в патриаршем «квартале». Последний, также окруженный собственными стенами, включал патриарший дворец, соединенный монументальным переходом с кафедральным собором Преслава, небольшую церковь, а также несколько административно-хозяйственных зданий, выстроенных у внутренних стен комплекса. Патриарший и царский дополнялись другими служебными «кварталами», на которых находились административные здания, казармы и другие вспомогательные постройки [Ваклинов, с. 190–195; Ваклинова, Щерева, Горянова; Овчаров, Аладжев, Овчаров; Ćurčić, p. 285–288; Penkova].

Данные, полученные в ходе исследований киевских построек, являются важным дополнением в истории византийской дворцовой архитектуры X–XI вв. – времени, от которого дошли лишь археологические остатки дворцовых комплексов в Манганах и Мирелейоне, а также резиденции болгарских царей и патриархов в Преславе. Несмотря на крайне плохую сохранность и невозможность полной реконструкции объемно-пространственной композиции построек, киевские памятники демонстрируют те же архитектурные решения, которые использовались при возведении константинопольских комплексов, хоть и в несколько

¹³ Далее тексты переводов К. Манго и Д. Маврогородато разнятся в ключевом для интерпретации описания месте: «Ἐσωθεν δὲ τρίροφα ποιήσας ὑπερῶα, ἔχοντα ὑψὸς ἰκανόν, ὀρόφους παυλοκίλους». По версии К. Манго, речь идет о том, что над первым этажом было устроено еще три для размещения комнат (Mango C. *The Art of the Byzantine Empire, 312–1453: Sources and Documents*. Toronto; Buffalo; London, 2009. P. 215). Перевод Д. Маврогородато предполагает совсем иную картину: над первым этажом были выстроены комнаты с тремя высокими сводами разной формы (Digenes Akritas / Ed. with introduction, translation and commentary by J. Mavrogordato. Oxford, 1970. P. 219). Обе интерпретации – многоэтажность и залы-ячейки, перекрытые разными типами сводов, – имеют свои основания, находя параллели в «реальных» постройках. Русский перевод предлагает еще один вариант: «комнаты, трехсводчатые сверху» (Дигенис Акрит / Пер., ст., коммент. А. Я. Сыркина. М., 1960. С. 109).

¹⁴ Mango C. *The Art of the Byzantine Empire... P. 213–215; Digenes Akritas*. P. 219.

¹⁵ Размеры церемониальных корпусов царской резиденции в Преславе сравнимы с масштабом дворца императора Константина IX в Манганах: западное здание имело размеры около 25 × 60 м, восточное – 25 × 45 м. Церемониальные корпуса располагались напротив западного фасада Большой базилики и были соединены друг с другом широким, видимо, крытым переходом. Однако между ними и храмом были обнаружены остатки еще одной масштабной постройки, не получившие пока убедительной интерпретации [Ваклинова, Щерева, Горянова]. Кроме того, в комплексе было возведено еще одно дворцовое здание, меньших размеров – около 16 × 19,5 м, в котором предположительно размещались личные покои царя [Бонев].

редуцированном варианте. Благодаря киевским дворцам, выстроенным приглашенными византийскими зодчими, Манганы и Мирелейон не воспринимаются как изолированное явление в истории византийской архитектуры, встраиваясь в общую логику развития блочного типа византийской резиденции. Средневизантийские комплексы, включая и киевские постройки, могут рассматриваться как непосредственные предшественники дворцов в Нимфейоне, Мистре, Мангупе и Текфур Сарая. Таким образом, существование дворцовых зданий в Киеве, возможность корреляции их строительных особенностей с современной византийской традицией в гражданском зодчестве являются еще одним доказательством в пользу концепции об автономности дворцовой архитектуры Византии. В связи с этим, не отрицая существования отдельных конструктивных и декоративных элементов (таких как готическая декорация оконных и дверных проемов во Дворце деспотов Мистры), пришедших из строительной практики соседних с Византией стран, дворцовое зодчество Византийской империи на всем протяжении ее существования можно рассматривать как цельное явление, которое определялось внутренними процессами трансформации архитектурной формы.

Архитектурный облик киевских дворцов должен был оказать влияние и на последующую архитектуру княжеских и архиерейских резиденций Древней Руси. Однако выявленные археологически памятники пока не подтверждают этого: гражданские постройки XII–XIII вв. в Чернигове, Смоленске, Полоцке и Гродно представлены небольшими в плане, но, вероятно, башнеобразными зданиями, а «трапезная» Киево-Печерского монастыря и постройка в Новгороде-Северском – это крупные здания с более сложной структурой сводов на столпах. Возможно, древнерусские светские постройки, в которых воплотилась средневизантийская традиция строительства дворцов «блочного» плана, еще предстоит обнаружить¹⁶. Главной задачей приглашенных византийских зодчих при строительстве киевских дворцов была адаптация к местным природным особенностям (ландшафт, строительные материалы) и конкретным требованиям заказчиков. Однако при строительстве первых монументальных сооружений в Киеве мог быть недооценен холодный климат, делавший неудобным использование больших каменных неотапливаемых залов в зимнее время. Возможно, именно этот аспект препятствовал дальнейшему распространению этого типа дворцового здания на древнерусских землях.

¹⁶ Имеющие сходство в плане каменные гражданские постройки в Звенигороде Галицком и Перемышле относятся к западноевропейской традиции.

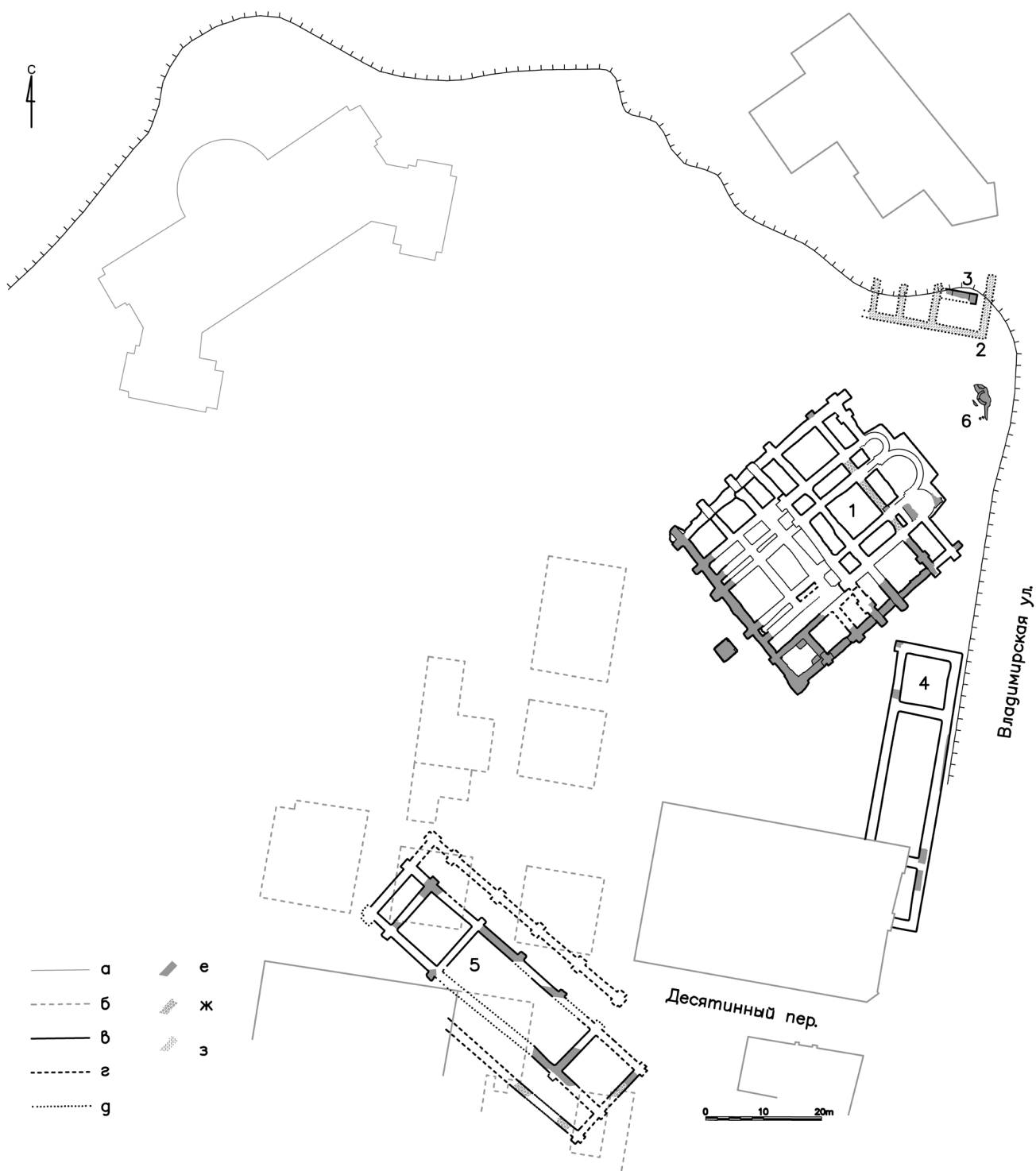

Рис. 1. План исследованных остатков комплекса монументальных сооружений X–XI вв. на Старокиевской горе: 1. церковь Богородицы Десятинная; 2. северо-восточная постройка по раскопкам В. В. Хвойко (локализация Г. Ф. Корзухиной); 3. северо-восточная постройка по раскопкам Ф. Н. Молчановского (локализация В. К. Козюбы); 4. юго-восточная постройка; 5. юго-западная постройка; 6. фрагмент упавшей сырцово-кирпичной стены с арочной конструкцией; а. существующие здания XIX–XX вв.; б. разобранные здания XIX–XX вв.; в. контуры фундаментных рвов и фундаментов зданий X–XI вв.; г. контуры фундаментных рвов зданий X–XI вв. по следам субструкций (колье); д. реконструируемые контуры фундаментных рвов зданий X–XI вв.; е. кладки фундаментов и стен зданий X–XI вв. *in situ*; ж. заполнение фундаментных рвов грунтом без строительных остатков.

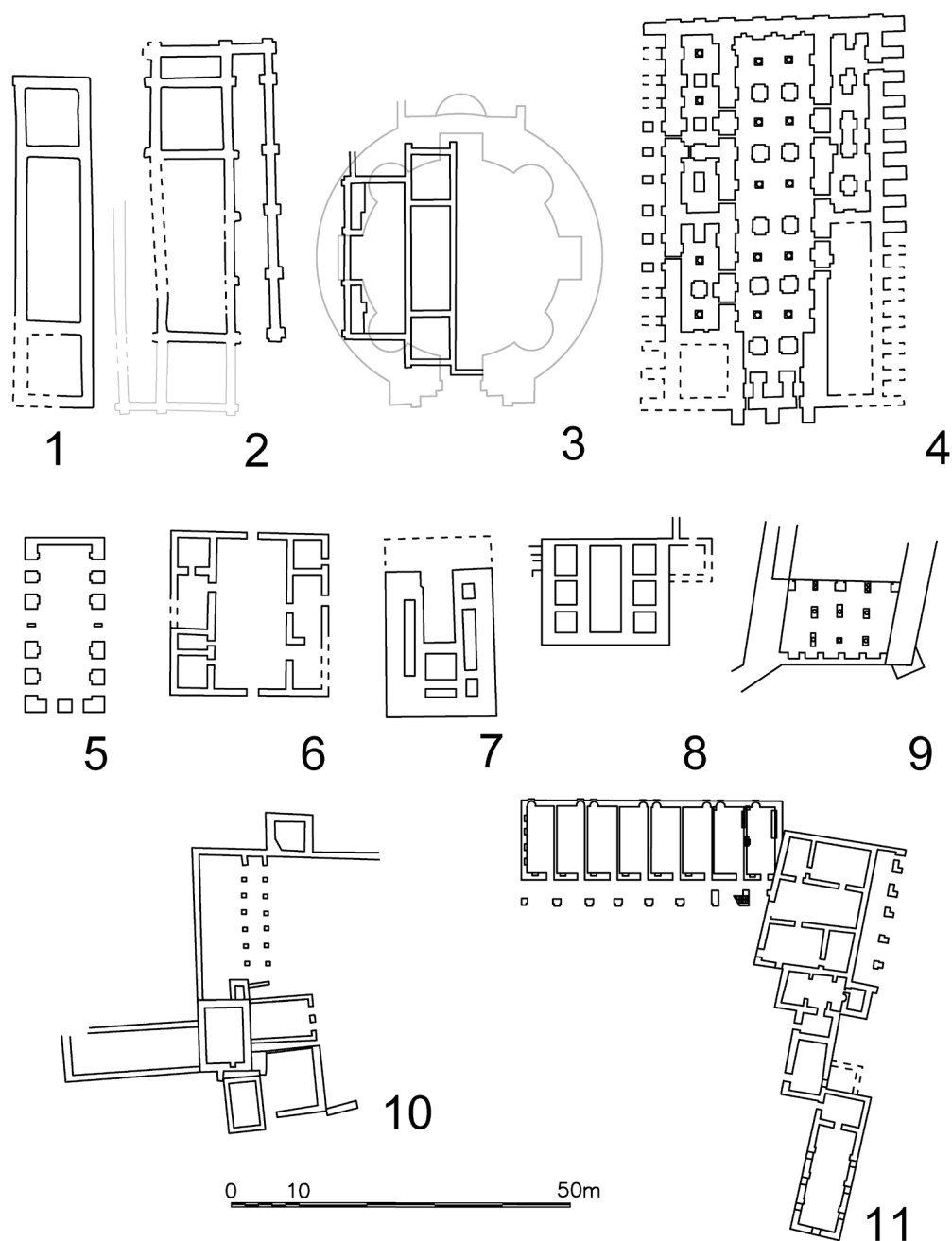

Рис. 2. Планы дворцовых зданий Киева, Византии и Первого Болгарского царства: 1. Юго-Восточная постройка, конец X в., Киев; 2. Юго-Западная постройка, начало XI в., Киев; 3. Дворец в Мирелейоне, начало X в., Константинополь; 4. Дворец в Манганах, середина XI в., Константинополь; 5. Дворец в Нимфейоне, первая треть XIII в., Нимфейон; 6. Комплекс фемного претория, конец IX в., Херсон; 7. Дворец патриарха, конец IX – начало X в., Преслав; 8. Дворец с личными покоями царя, 870–880-е гг., Преслав; 9. Текфур Сарай (Малый Влахернский дворец), вторая половина XIII – начало XIV в., Константинополь; 10. Дворец, середина XV в., Мангун; 11. Дворец деспотов, реконструкция на середину XV в., Мистра (1, 2, 7, 8 – план фундаментов, 4–6, 9–11 – план стен первого этажа).

Литература

- Антипов И. В. Новгородский Владычный двор в XIV–XV вв. Новые данные и перспективы изучения // НИС. Великий Новгород, 2015. Вып. 15 (25). С. 45–57.
- Антонова И. А. Административные здания херсонесской вексилляции и фемы Херсона (по материалам раскопок 1989–1993 гг.) // Херсонесский сборник. Севастополь, 1997. Вып. 8. С. 10–22.
- Асеев Ю. С. Архитектура Древнего Киева. Киев, 1982. 158 с.
- Баранов В. И., Ёлшин Д. Д. Стена княжеского двора в Киеве и вопрос об истоках древнерусской сырцово-фортификации X в. // *Stratum plus*. 2019. № 5. С. 243–266.
- Беляев Д. Ф. Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. СПб., 1891. Т. 1. Обзор главных частей Большого дворца византийских царей. [8], 200 с., 1 л. план.
- Бонев С. Втора, предпоследна, публикация на дворцовата сграда в югозападната част на големия царски дворец във Велики Преслав // *Плиска – Преслав*. София, 2018. Т. 13. С. 243–258.
- Ваклинов С. Формиране на старобългарската култура VI–XI век. София, 1977. 294 с.
- Ваклинова М., Щерева И., Горянова С. Преславският дворец след Станчо Ваклинов // Проф. Дин. Станчо Ваклинов и средновековната българска култура. Велико Търново, 2005. С. 11–23.
- Воронин Н. Н. Жилище // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948. Т. 1. Материальная культура. С. 205–233.
- Гайденко П. И. Архиерейские дворы домонгольской Руси (перспективы дальнейших исследований) // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2019. № 1 (11). С. 28–43. DOI 10.24411/2618-9674-2019-10002
- Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Иожица Д. В. Княжеский дворец Мангупского городища. Проблемы архитектурно-археологической реконструкции памятника // Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы охраны и исследования культурного наследия Крыма». Симферополь, 2019. С. 60–70.
- Гнера В. Дослідження садиби по Десятинному провулку, 5 (за матеріалами розкопок 2008–2013 років) // *Opus Mixtum*. 2013. № 1. С. 74–79.
- Ёлшин Д. Д. «Монументальной архитектуре» Киева в X в. // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. СПб., 2010. С. 151–164.
- Ёлшин Д. Д. Киевская плинфа X–XIII веков: опыт типологии // Культурний шар. Статті на пошану Гліба Юрійовича Івакіна. Київ, 2017. С. 98–128.
- Ёлшин Д. Д. Каменная гражданская архитектура XIV–XV веков в контексте истории изучения гражданских построек домонгольской Руси // Актуальные проблемы теории и истории искусства. М., 2019. Вып. 9. С. 395–407. DOI 10.18688/aa199-3-36
- Ёлшин Д. Д., Никитенко И. С. О фундаментах Десятинной церкви в Киеве (по материалам исследований строительного камня) // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2009. № 4. С. 138–156.
- Зыков П. Л. Материалы к реконструкции Десятинной церкви в Киеве на основании археологических исследований // Первые каменные храмы Древней Руси. Материалы архитектурно-археологического семинара 22–24 ноября 2010 г. СПб., 2012. (Труды Государственного Эрмитажа. Т. 65). С. 136–161.
- Иоаннисян О. М., Ёлшин Д. Д., Зыков П. Л., Ивакин Г. Ю., Козюба В. К., Комар А. В., Лукомский Ю. В. Десятинная церковь в Киеве (предварительные итоги исследований 2005–2007 гг.) // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009. (Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49). С. 330–366.
- Івакін Г. Ю., Козюба В. К., Манігда О. В., Чекановський А. А. Дослідження Південного палацу в Києві // Археологічні дослідження в Україні в 2016 р. Київ, 2018. С. 62–64.
- Ієвлев М. М., Козловський А. О., Крижановський В. О. Садиба другої половини XI – початку XIII ст. на місці «Західного палацу» у «Місті Володимира» в Києві // Південноруське місто у системі міжцивілізаційних контактів. Археологія і давня історія України. Київ, 2016. Вып. 4 (21). С. 71–87.
- Каргер М. К. Княжеские дворцы древнего Киева // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Л., 1955. Вып. 193. Сер. ист. наук. № 22. С. 67–101.
- Каргер М. К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М.; Л., 1961. Т. 2. Памятники киевского зодчества X–XIII вв. 661 с., 6 л. ил.

- Килиевич С. Р. Детинец Киева IX – первой половины XIII веков. Киев, 1982. 175 с.
- Козловский А. А., Иевлев М. М. Исследования «Западного дворца» на Старокиевской горе в Киеве в 2008–2009 гг. // Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII вв. Материалы международного семинара 17–21 ноября 2009 года. СПб., 2010. (Труды Государственного Эрмитажа. Т. 53). С. 412–419.
- Козловский А. О., Иевлев М. М., Крижановский В. О. Дослідження Західного палацу у Києві 2008–2013 рр. // Археологічні дослідження в Україні в 2013 р. Київ, 2014. С. 304.
- Козловський А. О., Ієвлев М. М., Крижановський В. О. Дослідження по пров. Десятинному в м. Києві // Археологічні дослідження в Україні в 2014 р. Київ, 2015. С. 69–71.
- Козловський А. О., Ієвлев М. М., Крижановський В. О. Науковий звіт про археологічні дослідження по провулку Десятинному, 3 літ. А, Б та 5 літ. Д («Західний Палац князя Володимира») у Шевченківському районі м. Києва в 2008–2009, 2012 та 2013 рр. Київ, 2016. Т. 1. 124 с.; Т. 2. 238 с.
- Козюба В. К. Фотографії та малюнки розкопок В. В. Хвойки 1907–1908 рр. в садибі М. М. Петровського у Києві // Науково-дослідницька та просвітницька діяльність Вікентія Хвойки. До 160-річчя з дня народження. Матеріали наукової конференції, с. Халеп'я, 19 лютого 2010 р. Трипілля, 2010. С. 59–78.
- Козюба В. К. «Східний» палац у давньому Києві: новий погляд на відому пам'ятку // Opus Mixtum. 2018. № 6. С. 27–40.
- Козюба В. К. Південний палац кінця X століття в Києві // Opus Mixtum. 2019. № 7. С. 30–46.
- Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X – начала XII в. Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М., 1987. 317, [3] с.
- Корзухина Г. Ф. Новые данные о раскопках В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве // Советская археология. 1956. № 25. С. 318–342.
- Михайлов К. А., Ёлишин Д. Д. Новые архивные материалы по археологическому изучению древнего Киева // Археологические вести. 2004. № 11. С. 226–232.
- Овчаров Д., Аладжев Ж., Овчаров Н. Големият царски дворец във Велики Преслав. София, 1991. Т. 1. Преславската патриаршия през X век. 178 с.
- Отчет о деятельности Историко-этнографического кружка при Университете св. Владимира за 1911/12 учебный год // Университетские известия. 1914. Октябрь. Прил. II. С. 4–7.
- Отчеты Археологической комиссии за 1911 г. Пг., 1914. 123 с.
- Отчеты Археологической комиссии за 1913–1915 гг. Пг., 1918. 295 с.
- Павлова В. В. Київський археолог Сергій Вельмін // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. 2015. Вип. 19. С. 82–92.
- Попов И. О. Княжеские резиденции в домонгольской Руси: летописные известия и археологические реалии // Stratum plus. 2000. № 5. С. 391–406.
- Пуцко В. Г. Архитектурный ансамбль княжеского двора в Киеве // Кремли России. М., 2003. (Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Материалы и исследования. Вып. 15). С. 224–241.
- Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. Л., 1975. (Свод археологических источников. Вып. EI-32). 179 с.
- Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982. 136 с.
- Ржига В. Ф. Очерки из истории быта домонгольской Руси. М., 1929. (Труды ГИМ. Отдел исторический общий. Вып. 5). 100 с.
- Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков; М., 2013. Ч. 2. 658, [1] с.
- Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII вв. Киев, 1980. 224 с.
- Фрезе А. А. Гражданская застройка («баня») в Переяславле и архитектура резиденций русских архиереев XI–XV веков // Актуальные проблемы теории и истории искусства. М., 2019. Вып. 9. С. 389–401. DOI 10.18688/aa199-3-34
- Харламов В. А. Исследования каменной монументальной архитектуры Киева X–XIII вв. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. Киев, 1985. С. 106–120.
- Харламов В. А. Дослідження найдавніших палаців Стародавнього Києва // Архітектурна спадщина України. Київ, 1995. Вип. 2. Національні особливості архітектури народу України. С. 185–190.
- Хвойка В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев, 1913. 103 с.

- Холостенко М. В. З історії зодчества Древньої Русі X ст. // Археологія. Київ, 1965. Т. 19. С. 68–85.
- Ahınbay M. Tekfur Saray // Κοσμική μεσαιωνική αρχιτεκτονική στα Βαλκάνια, 1300–1500. Επιμέλεια S. Ćurčić, Ευ. Χατζητρύφωνος. Θεσσαλονίκη, 1997. Σ. 248–250.
- Antipov I. First secular masonry buildings of the Novgorodian Archbishop's court: written sources and archaeological data // Estonian Journal of Archaeology. 2019. Vol. 2 (23). P. 126–145.
- Asutay-Effenberger N. Spuren seldschukischen Lebensstils in der imperialen Architektur Konstantinopels im 12. Jahrhundert / Eds. Müller-Wiener, Martina // Grenzgänge im östlichen Mittelmeerraum. Byzanz und die islamische Welt vom 9. bis 13. Jahrhundert. Wiesbaden, 2008. S. 169–187.
- Buchwald H. Lascarid Architecture // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Wien, 1979. Bd. 28. S. 261–296.
- Çağatay S. How Western Is It? The Palace at Nymphaion and its Architectural Setting // First International Sevgi Gonul Byzantine Studies Symposium. Change in the Byzantine World in the Twelfth and Thirteenth Centuries. Istanbul, 2010. P. 357–362.
- Ćurčić S. Architecture in the Balkans. From Diocletian to Süleyman the Magnificent. New Haven, London, 2010. 913 p.
- Dark K., Kosteneć J. Hagia Sophia in Context. An Archaeological Re-Examination of the Cathedral of Byzantine Constantinople. Oxford, 2019. 141 p.
- Demangel R., Mamboury E. Le quartier des Manges et la première region de Constantinople. Recherches françaises en Turquie 2. Paris, 1939. 161 p.
- Jolshin D. On the Variety of Stone Architecture of Stone Civil Architecture in 10th – 13th Century Rus' // 39th Symposium on Byzantine and Post-Byzantine Archaeology and Art. Athens, 2019. P. 96–97.
- Kourelis K. The Rural House in the Medieval Peloponnese. An Archaeological Reassessment of Byzantine Domestic Architecture // Archaeology in Architecture: Studies in Honor of Cecil L. Striker. Mainz, 2005. P. 119–128.
- Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture. 4th ed. rev. by R. Krautheimer and S. Ćurčić. New Haven, 1986. 553 p.
- Macrides R. The "Other" Palace in Constantinople: the Blachernai // The Emperor's House, Palaces from Augustus to the Age of Absolutism. Berlin; Boston, 2015. P. 159–168.
- Mango C. The Brazen House: a Study of the Vestibule of the Imperial Palace of Constantinople. Copenhagen, 1959. 197 p.
- Mathews Th., Daskalakis-Mathews A.-C. Islamic-Style Mansions in Byzantine Cappadocia and Development of the Inverted T-plan // Journal of the Society of Architectural Historians. 1997. Vol. 56. No. 3. P. 294–315.
- Mezentsev V. I. The circular palace of Princess Olha in Kyiv (959): a description of the structure with an analysis of its functions and its graphic reconstruction // Mediaeval Studies. Pontifical Institute of Mediaeval Studies. Toronto, 1999. Vol. 61. P. 243–295.
- Müller-Wiener W. Bildlexikon zur Topographie Istanbuls. Byzantion, Konstantinupolis, Istanbul bis zum Beginn d. 17. Jh. Tübingen, 1977. 534 S.
- Naumann R. Der antike Rundbau beim Myrelaion und der Palast Romanos I. Lekapenos // Istanbuler Mitteilungen. Tübingen, 1966. Bd. 38. S. 199–216.
- Niewöhner Ph. The Late Antique Origins of Byzantine Palace Architecture // The Emperor's House, Palaces from Augustus to the Age of Absolutism. Berlin; Boston, 2015. P. 31–52.
- Palatia. Kaiserpaläste in Konstantinopel, Ravenna und Trier / M. König, E. B. Recchi-Franceschini, E. Riemer (Hrsg.) Trier, 2003. 178 p.
- Penkova B. Die Paläste der bulgarischen Zaren in Preslav und Tarnovo // The Emperor's House, Palaces from Augustus to the Age of Absolutism. Berlin; Boston, 2015. P. 219–230.
- Schäfer H. Architektur historische Beziehungen zwischen Byzanz und der Kiever Rus im 10. Und 11. Jahrhundert // Istanbuler Mitteilungen. Tübingen, 1973/1974. B. 23/24. S. 197–224.
- Sigalos E. Housing in Medieval and Post-Medieval Greece. Oxford, 2004. (BAR International Series. 1291). 357 p.
- Sinos S. Organisation und Form des byzantinischen Palästes von Mystras // Architectura. Zeitschrift für Geschichte der Baukunst. Berlin; München, 1987. Vol. 17. S. 105–128.
- Striker C. L. The Myrelaion (Bodrum Camii) in Istanbul. Princeton, New Jersey, 1981. 50 p.
- Verzone P. Palazzi e Domus dalla Tetrarchia al VII Secolo. Rome, 2011. 304 p.
- Σινος Σ. Τα μνημεία του Μυστρά. Το έργο της επιτροπής αναστήλωσης μνημείων Μυστρά. Αθήνα, 2009. 405 σ.

References

- Ahunbay, M. Tekfur Saray. In *Κοσμική μεσαιωνική αρχιτεκτονική στα Βαλκάνια, 1300–1500*. Επιμέλεια S. Ćurčić, Ev. Χατζητρύφωνος. Θεσσαλονίκη, 1997. Σ. 248–250.
- Antipov, I. V. Novgorodskii Vladychnyi dvor v XIV–XV vv. Novye dannye i perspektivy izucheniya [Novgorod Archbishop's Court in the 14th – 15th Centuries. New Data and Research Perspectives]. In *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. Velikii Novgorod, 2015. Issue 15 (25). Pp. 45–57.
- Antipov, I. First secular masonry buildings of the Novgorodian Archbishop's court: written sources and archaeological data. In *Estonian Journal of Archaeology*. 2019. Vol. 2 (23). Pp. 126–145.
- Antonova, I. A. Administrativnye zdaniya khersonesskoi veksillyatsii i femy Khersona (po materialam raskopok 1989–1993 gg.) [Administrative Buildings of the Chersonese Vexillation and the Fema of Kherson (Based on the Materials of Excavations in 1989–1993)]. In *Khersonesskii sbornik*. Sevastopol, 1997. Issue 8. Pp. 10–22.
- Aseev, Yu. S. Arkhitektura Drevnego Kievа [Architecture of Ancient Kiev]. Kiev, 1982. 158 p.
- Asutay-Effenberger, N. Spuren seldschukischen Lebensstils in der imperialen Architektur Konstantinopels im 12. Jahrhundert. Eds. Müller-Wiener, Martina. In *Grenzgänge im östlichen Mittelmeerraum. Byzanz und die islamische Welt vom 9. bis 13. Jahrhundert*. Wiesbaden, 2008. S. 169–187.
- Baranov, V. I., Yolshin, D. D. Stena knyazheskogo dvora v Kieve i vopros ob istokakh drevnerusskoi syrtovoi fortifikatsii X v. [The Wall of the Princely Residence in Kiev and the Question of the Origin of the Mud-brick Fortification in the 10th Century Kievan Rus']. In *Stratum plus*. 2019. No. 5. Pp. 243–266.
- Belyaev, D. F. Byzantina. Ocherki, materialy i zametki po vizantiiskim drevnostyam [Byzantina. Essays, Materials, and Notes on Byzantine Antiquities]. Saint Petersburg, 1891. Vol. 1. Obzor glavnykh chastei Bol'shogo dvortsa vizantiiskikh tsarei. [8], 200 p., 1 l. plan.
- Bonev, S. Vtora, predposledna, publikatsiya na dvortsovata sgrada v yugozapadnata chast na golemiya tsarski dvorets v Veliki Preslav [The Second, Penultimate, Publication of the Palace Building in the Southwest of the Grand Royal Palace in Veliky Preslav]. In *Pliska – Preslav*. Sofia, 2018. Vol. 13. Pp. 243–258.
- Buchwald, H. Lascarid Architecture. In *Jarbuch der Österreichischen Byzantinistik*. Wien, 1979. Bd. 28. S. 261–296.
- Çağatpay, S. How Western Is It? The Palace at Nymphaion and its Architectural Setting. In *First International Sevgi Gonul Byzantine Studies Symposium. Change in the Byzantine World in the Twelfth and Thirteenth Centuries*. Istanbul, 2010. Pp. 357–362.
- Ćurčić, S. Architecture in the Balkans. From Diocletian to Süleyman the Magnificent. New Haven, London, 2010. 913 p.
- Dark, K., Kostenec, J. Hagia Sophia in Context. An Archaeological Re-Examination of the Cathedral of Byzantine Constantinople. Oxford, 2019. 141 p.
- Demangel, R., Mamboury, E. Le quartier des Manganes et la première region de Constantinople. Recherches françaises en Turquie 2. Paris, 1939. 161 p.
- Freze, A. A. Grazhdanskaya postroika (“banya”) v Pereyaslavle i arhitektura rezidentsii russkikh arkhieerev XI–XV vekov [Secular Building (“The Bath-House”) in Pereyaslavl' and the Residences of the Russian Hierarchs in the 11th – 15th Centuries]. In *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva*. Moscow, 2019. Issue 9. Pp. 389–401. DOI 10.18688/aa199-3-34
- Gaidenko, P. I. Arkhiereiskie dvory domongol'skoi Rusi (perspektivy dal'neishikh issledovaniy) [Bishops' Courts of Pre-Mongol Rus (Prospects for Further Research)]. In *Paleorossiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*. 2019. No. 1 (11). Pp. 28–43. DOI 10.24411/2618-9674-2019-10002
- Gertsen, A. G., Naumenko, V. E., Dushenko, A. A., Iozhitsa, D. V. Knyazheskii dvorets Mangupskogo gorodishcha. Problemy arkhitekturno-arkheologicheskoi rekonstruktsii pamyatnika [The Princely Palace of the Mangup Settlement. Problems of Architectural and Archaeological Reconstruction of the Monument]. In *Materialy VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Aktual'nye voprosy okhrany i issledovaniya kul'turnogo naslediya Kryma”*. Simferopol, 2019. Pp. 60–70.
- Gnera, V. Doslidzhennya sadibi po Desyatinnomu provulku, 5 (za materialami rozkopok 2008–2013 rokiv) [Research of the Homestead on Desyatiny Lane, 5 (Based on the Materials of Excavations in 2008–2013)]. In *Opus Mixtum*. 2013. No. 1. Pp. 74–79.

- Ievlev, M. M., Kozlovskii, A. O., Krizhanovskii, V. O. Sadiba drugoi polovini XI – pochatku XIII st. na mictsi “Zakhidnogo palatsu” u “Misti Volodimira” v Kievi [The Homestead in the Second Half of the 11th – the Beginning of the 13th Century on the Site of the “Western Palace” in the “Volodimir’s Site” in Kiev]. In *Pivdenorus’ke misto u sistemi mizhtsivilizatsiinih kontaktiv. Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini*. Kiev, 2016. Issue 4 (21). Pp. 71–87.
- Ioannisyan, O. M., Yolshin, D. D., Zykov, P. L., Ivakin, G. Yu., Kozyuba, V. K., Komar, A. V., Lukomskii, Yu. V. Desyatinnaya tserkov’ v Kieve (predvaritel’nye itogi issledovaniia 2005–2007 gg.) [The Tithe Church in Kiev (Preliminary Results of Research in 2005–2007)]. In *Slozhenie russkoi gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoi istorii Starogo Sveta*. Saint Petersburg, 2009. (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Vol. 49). Pp. 330–366.
- Ivakin, G. Yu., Kozyuba, V. K., Manigda, O. V., Chekanovskii, A. A. Doslidzhennya Pivdenного palatsu v Kievi [Research of the Southern Palace in Kiev]. In *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini v 2016 r.* Kiev, 2018. Pp. 62–64.
- Jolshin, D. On the Variety of Stone Architecture of Stone Civil Architecture in 10th – 13th Century Rus’. In *39th Symposium on Byzantine and Post-Byzantine Archaeology and Art*. Athens, 2019. Pp. 96–97.
- Karger, M. K. Knyazheskie dvortsy drevnego Kieva [Princely Palaces of Ancient Kiev]. In *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Leningrad, 1955. Issue 193. Ser. ist. nauk. No. 22. Pp. 67–101.
- Karger, M. K. Drevnii Kiev. Ocherki po istorii material’noi kul’tury drevnerusskogo goroda [Ancient Kiev. Essays on the History of Material Culture of the Ancient Russian City]. Moscow; Leningrad, 1961. Vol. 2. Pamyatniki kievskego zodchestva X–XIII vv. 661 p., 6 l. il.
- Kharlamov, V. A. Issledovaniya kamennoi monumental’noi arkhitektury Kieva X–XIII vv. [Research of the Stone Monumental Architecture in Kiev in the 10th – 13th Centuries]. In *Arkheologicheskie issledovaniya Kieva 1978–1983 gg.* Kiev, 1985. Pp. 106–120.
- Kharlamov, V. A. Doslidzhennya naidavnishikh palatsiv Starodavn’ogo Kieva [Research of the Oldest Palaces in Ancient Kiev]. In *ArkhitECTurna spadshchina Ukraini*. Kiev, 1995. Issue 2. Natsional’ni osoblivosti arkhitekturi narodu Ukraini. Pp. 185–190.
- Kholostenko, M. V. Z istorii zodchestva Drevnoi Rusi X st. [From the History of Architecture of Old Rus of the 10th Century]. In *Arkheologiya*. Kiev, 1965. Vol. 19. Pp. 68–85.
- Khvoika, V. V. Drevnie obitateli Srednego Pridneprov’ya i ikh kul’tura v doistoricheskie vremena (po raskopkam) [Ancient Inhabitants of the Middle Dnieper and Their Culture in Prehistoric Times (according to Excavations)]. Kiev, 1913. 103 p.
- Kilievich, S. R. Detinets Kieva IX – pervoi poloviny XIII vekov [Kiev Detinets of 9th – the First Half of the 13th Centuries]. Kiev, 1982. 175 p.
- Komech, A. I. Drevnerusskoe zodchestvo kontsa X – nachala XII v. Vizantiiskoe nasledie i stanovlenie samostoyatel’noi traditsii [Old Russian Architecture of the Late 10th – Early 12th Century. Byzantine Heritage and the Formation of an Independent Tradition]. Moscow, 1987. 317, [3] p.
- Korzukhina, G. F. Novye dannye o raskopkakh V. V. Khvoiko na usad’be Petrovskogo v Kieve [New Data on the Excavations of V. V. Khvoiko at the Petrovsky’s Homestead in Kiev]. In *Sovetskaya arkheologiya*. 1956. No. 25. Pp. 318–342.
- Kourelis, K. The Rural House in the Medieval Peloponnese. An Archaeological Reassessment of Byzantine Domestic Architecture. In *Archaeology in Architecture: Studies in Honor of Cecil L. Striker*. Mainz, 2005. Pp. 119–128.
- Kozlovskii, A. A., Ievlev, M. M. Issledovaniya “Zapadnogo dvortsia” na Starokievskoi gore v Kieve v 2008–2009 gg. [Research of the “Western Palace” on the Starokievskaya Hill in Kiev in 2008–2009]. In *ArkhitECTura Vizantii i Drevnei Rusi IX–XII vv. Materialy mezhdunarodnogo seminara 17–21 noyabrya 2009 goda*. Saint Petersburg, 2010. (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Vol. 53). Pp. 412–419.
- Kozlovskii, A. O., Ievlev, M. M., Krizhanovskii, V. O. Doslidzhennya Zakhidnogo palatsu u Kievi 2008–2013 rr. [Research of the Western Palace in Kiev in 2008–2013]. In *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini v 2013 r.* Kiev, 2014. P. 304.
- Kozlovskii, A. O., Ievlev, M. M., Krizhanovskii, V. O. Doslidzhennya po prov. Desyatinnomu v m. Kievi [Research on Desyatinnyy Lane in Kiev]. In *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini v 2014 r.* Kiev, 2015. Pp. 69–71.

- Kozlovs'kii, A. O., Ievlev, M. M., Krizhanovs'kii, V. O. Naukovii zvit pro arkheologichni doslidzhennya po provulku Desyatinnomu, 3 lit. A, B ta 5 lit. D ("Zakhidnii Palats knyazya Volodimira") u Shevchenkivskomu raioni m. Kieva v 2008–2009, 2012 ta 2013 rr. [Scientific Report on Archaeological Research on Desyatinn Lane, 3 Lit. A, B and 5 Lit. D ("Western Palace of Prince Vladimir") in the Shevchenkivsky District of Kiev in 2008–2009, 2012 and 2013]. Kiev, 2016. Vol. 1. 124 p.; Vol. 2. 238 p.
- Kozyuba, V. K. Fotografii ta malyunki rozkopok V. V. Khvoiki 1907–1908 rr. v sadibi M. M. Petrovs'kogo u Kievi [Photos and Drawings of Excavations of V. V. Khvoika in 1907–1908 at the N. N. Petrovsky's Homestead in Kiev]. In *Naukovo-doslidnits'ka ta prosvitnits'ka diyal'nist' Vikentiya Khvoiki. Do 160-richchya z dnya narodzhennya. Materiali naukovoї konferentsii, c. Khalep'ya, 19 lyutogo 2010 r.* Tripillya, 2010. Pp. 59–78.
- Kozyuba, V. K. "Skhidnii" palats u davnomu Kievi: novii poglyad na vidomu pam'yatku ["Eastern" Palace in Ancient Kyiv: a New Look at the Well-known Site]. In *Opus Mixtum*. 2018. No. 6. Pp. 27–40.
- Kozyuba, V. K. Pivdennii palats kintsya X stolittya v Kievi [Southern Palace of the Late 10th Century in Kiev]. In *Opus Mixtum*. 2019. No. 7. Pp. 30–46.
- Krautheimer, R. *Early Christian and Byzantine Architecture*. 4th ed. rev. by R. Krautheimer and S. Ćurčić. New Haven, 1986. 553 p.
- Macrides, R. The "Other" Palace in Constantinople: the Blachernai. In *The Emperor's House, Palaces from Augustus to the Age of Absolutism*. Berlin; Boston, 2015. Pp. 159–168.
- Mango, C. *The Brazen House: a Study of the Vestibule of the Imperial Palace of Constantinople*. Copenhagen, 1959. 197 p.
- Mathews, Th., Daskalakis-Mathews, A.-C. Islamic-Style Mansions in Byzantine Cappadocia and Development of the Inverted T-plan. In *Journal of the Society of Architectural Historians*. 1997. Vol. 56. No. 3. Pp. 294–315.
- Mezentsev, V. I. The circular palace of Princess Olha in Kyiv (959): a description of the structure with an analysis of its functions and its graphic reconstruction. In *Mediaeval Studies. Pontifical Institute of Mediaeval Studies*. Toronto, 1999. Vol. 61. Pp. 243–295.
- Mikhailov, K. A., Yolshin, D. D. Novye arkhivnye materialy po arkheologicheskomu izucheniyu drevnego Kieva [New Archival Materials on the Archaeological Study of Ancient Kiev]. In *Arkheologicheskie vesti*. 2004. No. 11. Pp. 226–232.
- Müller-Wiener, W. *Bildlexikon zur Topographie Istanbuls. Byzantion, Konstantinupolis, Istanbul bis zum Beginn d. 17. Jh.* Tübingen, 1977. 534 S.
- Naumann, R. Der antike Rundbau beim Myrelaion und der Palast Romanos I. Lekapenos. In *Istanbuler Mitteilungen*. Tübingen, 1966. Bd. 38. S. 199–216.
- Niewöhner, Ph. The Late Antique Origins of Byzantine Palace Architecture. In *The Emperor's House, Palaces from Augustus to the Age of Absolutism*. Berlin; Boston, 2015. Pp. 31–52.
- Otchet o deyatelnosti Istoriko-etnograficheskogo kruzhka pri Universitete sv. Vladimira za 1911/12 uchebnyi god [Report on the Activities of the Historical and Ethnographic Group at the University of St. Vladimir for the 1911/12 Academic Year]. In *Universitetskie izvestiya*. 1914. Oktyabr'. Appendix II. Pp. 4–7.
- Otchety Arkheologicheskoi komissii za 1911 g. [Reports of the Archaeological Commission for 1911]. Petrograd, 1914. 123 p.
- Otchety Arkheologicheskoi komissii za 1913–1915 gg. [Reports of the Archaeological Commission for 1913–1915]. Petrograd, 1918. 295 p.
- Ovcharov, D., Aladzhev, Zh., Ovcharov, N. Golemyat tsarski dvorets v"v Veliki Preslav [Grand Royal Palace in Veliky Preslav]. Sofia, 1991. Vol. 1. Preslavskata patriarshiya prez X vek. 178 p.
- Palatia. Kaiserpaläste in Konstantinopel, Ravenna und Trier. M. König, E. B. Recchi-Franceschini, E. Riemer (Hrsg.) Trier, 2003. 178 p.
- Pavlova, V. V. Kiivs'kii arkheolog Sergii Vel'min [Kiev Archaeologist Sergey Velmin]. In *Materiali i doslidzhennya z arkheologii Prikarpattya i Volini*. 2015. Issue 19. Pp. 82–92.
- Penkova, B. Die Paläste der bulgarischen Zaren in Preslav und Tarnovo. In *The Emperor's House, Palaces from Augustus to the Age of Absolutism*. Berlin; Boston, 2015. Pp. 219–230.
- Popov, I. O. Knyazheskie rezidentsii v domongol'skoi Rusi: letopisnye izvestiya i arkheologicheskie realii [Princely Residences in Pre-Mongol Rus: Chronicle News and Archaeological Realities]. In *Stratum plus*. 2000. No. 5. Pp. 391–406.

- Putsko, V. G. Arkhitekturnyi ansambl' knyazhego dvora v Kieve [Architectural Ensemble of the Prince's Residence in Kiev]. In *Kremli Rossii*. Moscow, 2003. (Gosudarstvennyi istoriko-kul'turnyi muzei-zapovednik "Moskovskii Kreml'". Materialy i issledovaniya. Issue 15). Pp. 224–241.
- Rappoport, P. A. Drevnerusskoe zhilishche [Old Russian House]. Leningrad, 1975. (Svod arkheologicheskikh istochnikov. Issue EI-32). 179 p.
- Rappoport, P. A. Russkaya arkhitektura X–XIII vv. Katalog pamyatnikov [Russian Architecture of the 10th – 13th Centuries. Catalog of Monuments]. Leningrad, 1982. 136 p.
- Rzhiga, V. F. Ocherki iz istorii byta domongol'skoi Rusi [Essays from the History of Life in Pre-Mongol Rus]. Moscow, 1929. (Trudy GIM. Otdel istoricheskii obshchii. Issue 5). 100 p.
- Schäfer, H. Architektur historische Beziehungen zwischen Byzanz und der Kiever Rus im 10. Und 11. Jahrhundert. In *Istanbuler Mitteilungen*. Tübingen, 1973/1974. B. 23/24. S. 197–224.
- Sigalos, E. Housing in Medieval and Post-Medieval Greece. Oxford, 2004. (BAR International Series. 1291). 357 p.
- Sinos, S. Organisation und Form des byzantinischen Palästes von Mystras. In *Architectura. Zeitschrift für Geschichte der Baukunst*. Berlin; München, 1987. Vol. 17. S. 105–128.
- Sorochan, S. B. Vizantiiskii Kherson (vtoraya polovina VI – pervaya polovina X vv.). Ocherki istorii i kul'tury [Byzantine Cherson (Second Half of 6th – the First Half of the 10th Centuries). Essays on History and Culture]. Kharkov; Moscow, 2013. Part 2. 658, [1] p.
- Striker, C. L. The Myrelaion (Bodrum Camii) in Istanbul. Princeton, New Jersey, 1981. 50 p.
- Tolochko, P. P. Kiev i Kievskaya zemlya v epokhu feodal'noi razdroblennosti XII–XIII vv. [Kiev and the Kiev Land in the Era of Feudal Fragmentation of the 12th – 13th Centuries]. Kiev, 1980. 224 p.
- Vaklinov, S. Formirane na starob'lgarskata kultura VI–XI vek [Formation of the Old Bulgarian Culture in the 6th – 11th Centuries]. Sofia, 1977. 294 p.
- Vaklinova, M., Shchereva, I., Goryanova, S. Preslavskiyat dvorets sled Stancho Vaklinov [Preslav Palace after Stancho Vaklinov]. In *Prof. Din. Stancho Vaklinov i srednovekovnata b'lgarska kultura*. Veliko Tyrnovo, 2005. Pp. 11–23.
- Verzone, P. Palazzi e Domus dalla Tetrarchia al VII Secolo. Rome, 2011. 304 p.
- Voronin, N. N. Zhilishche [House]. In *Istoriya kul'tury Drevnei Rusi*. Moscow; Leningrad, 1948. Vol. 1. Material'naya kul'tura. Pp. 205–233.
- Yolshin, D. D. O "monumental'noi arkhitekture" Kieva v X v. [About the "Monumental Architecture" of Kiev in the 10th Century]. In *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoi Evropy. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya Evgeniya Nikolaevicha Nosova*. Saint Petersburg, 2010. Pp. 151–164.
- Yolshin, D. D. Kievskaya plinfa X–XIII vekov: opyt tipologii [Kiev Plinfa of the 10th – 13th Centuries: the Attempt of Typology]. In *Kul'turnii shar. Statti na poshanu Gliba Yuriiovicha Ivakina*. Kiev, 2017. Pp. 98–128.
- Yolshin, D. D. Kamennaya grazhdanskaya arkhitektura XIV–XV vekov v kontekste istorii izucheniya grazhdanskikh postroek domongol'skoi Rusi [Masonry Civil Architecture of 14th – 15th-Century Novgorod in the Context of History of the Research of Secular Buildings of Premongol Rus']. In *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva*. Moscow, 2019. Issue 9. Pp. 395–407. DOI 10.18688/aa199-3-36
- Yolshin, D. D., Nikitenko, I. S. O fundamentakh Desyatinnoi tserkvi v Kieve (po materialam issledovaniy stroitel'nogo kamnya) [About the Foundations of the Tithe Church in Kiev (Based on the Materials of Building Stone Research)]. In *Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury RAN*. 2009. No. 4. Pp. 138–156.
- Zykov, P. L. Materialy k rekonstruktsii Desyatinnoi tserkvi v Kieve na osnovanii arkheologicheskikh issledovaniy [Materials for the Reconstruction of the Tithe Church in Kiev on the Basis of Archaeological Research]. In *Pervye kamennye khramy Drevnei Rusi. Materialy arkhitekturno-arkheologicheskogo seminarara 22–24 noyabrya 2010 g*. Saint Petersburg, 2012. (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Vol. 65). Pp. 136–161.
- Σινος, Σ. Τα μνημεία του Μυστρά. Το έργο της επιτροπής αναστήλωσης μνημείων Μυστρά. Αθήνα, 2009. 405 σ.

Denis D. Jolshin

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Anna A. Freze

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

“PALACES” OF THE EARLY KIEV AND THE BYZANTINE PALATIAL ARCHITECTURE
IN THE 11th – 15th CENTURIES

The secular buildings on the “Starokievskaya Mountain” have long been regarded in the historiography as palatial establishments. Their function as parts of the residence of the Grand Princes of Kiev was assigned due to the specifics of their location and the traces of rich decoration found at the site. Meanwhile, continuous archaeological research has yielded significant data on their constructional and compositional characteristics, which are characteristic of the ones of the Byzantine palaces. These features, i.e. a rectangular block form, multistoried composition, open ambulatories or porticoes along the façades, allow the Kievan monuments to be considered as a part of the Byzantine palatial architectural tradition. The role of the Kievan palaces in the history of the Byzantine architecture needs to be defined not only for a fuller picture of the origin and operation of the secular architecture in the pre-mongol Rus, but also for characterizing the transformation processes in the later buildings at the princely, monastic and bishops’ courts, such as the Archbishop’s Court in Novgorod the Great.

Keywords: Old Russian architecture, Byzantine architecture, Early Kiev, palatial architecture, secular architecture

